

«Светоча». На авторство старшего из братьев Достоевских указывает, по сути, лишь одно обстоятельство — совпадение в требованиях к художественности, которая не должна подчиняться идеологии. Именно в этом состояла суть эстетической позиции в статье Достоевского о «Грозе» Островского. Легко заметить, что примат художественности — весьма распространённый в критике того времени аргумент, обсуждавшийся в статьях П. В. Анненкова, В. П. Боткина, А. В. Дружинина, С. С. Дудышкина, А. А. Григорьева, наконец, и А. П. Милюкова, практически в каждой статье которого в сборнике 1875 года встречается слово «художественный» и его дериваты. Один лишь этот критерий ни в коем случае не может считаться достаточным для определения автора статьи.

Что касается других кандидатов, то вероятным претендентом мог бы быть Николай Михайлович Соколовский, регулярно писавший для «Светоча» большие критические статьи в 1860 году. Однако против него свидетельствуют тематика (неизвестны его тексты об украинских авторах), стиль (его статьи очень риторичны и эмоциональны) и биографические реалии. Все статьи Соколовского в «Светоче» подписаны его именем. Это было важно для начинающего критика, очевидно потому, что в это время он служил судебным следователем в Симбирске и был крайне заинтересован в накоплении символического капитала в петербургских журналах.²¹ Таким образом, авторство Соколовского представляется крайне маловероятным.

Подведем итоги. Как мы попытались доказать, автором первой рецензии «Светоча» на украинские рассказы Вовчок был А. П. Милюков, что с чрезвычайно высокой вероятностью подтверждается совокупностью всех обстоятельств и выполнением всех критериев атрибуции. Об авторстве же второй рецензии на русские рассказы уже не приходится говорить столь уверенно, однако представленные нами аргументы говорят в пользу Милюкова и против М. М. Достоевского. Отсюда следует два вывода. Во-первых, рецензия на рассказы из русского народного быта должна быть выведена из состава ЭНИ «М. М. Достоевский» на сайте Петрозаводского государственного университета или, по меньшей мере, перемещена в раздел *Dubia*. Во-вторых, этот факт должен быть в будущем учтен и в новом комментарии к статье Ф. М. Достоевского «Г-н — бов и вопрос об искусстве», который будет обновляться для нового академического Полного собрания сочинений писателя.

²¹ *Викторович В. А. Соколовский Николай Михайлович // Там же. С. 720.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-180-191

© С. Н. Гуськов

ЗАЧЕМ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» В 1863 ГОДУ ПРИЗЫВАЛА РУССКИХ ДВОРЯН ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ? (ЕЩЕ РАЗ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. А. ГОНЧАРОВА НА ПОСТУ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ)*

Массовый отъезд в Европу русских дворян¹ в начале 1860-х годов стал заметным явлением для современников, нашел отражение в творчестве И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева и других авторов. Чувстви-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ Отмечалось, что миграционные потоки или «отливы» из России растут именно с 1860-х годов, когда начинается так называемая «вторая эпоха русской эмиграции». С 1860-го по 1890-й из России выехало примерно 1 млн. 130 тыс. человек, для сравнения, в предыдущую эпоху, с 1828 по 1859 год около 33 тыс. (*Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 11.*)

тельным отток подданных оказался и для правительства. Западник И. А. Гончаров, в 1850–1860-х годах активно трудившийся на различных административных нивах, в рассмотренном далее сюжете несколько неожиданно предстает оппонентом обосновавшихся в Европе соотечественников.²

6 апреля 1863 года правительственная газета «Северная почта», которой уже более полугодя руководил Гончаров, перепечатала обличительную статью славянофильской газеты «День» о русских, длительно или постоянно проживавших за границей. В публикации выражалась озлобленность незavidным статусом соплеменников в Европе, осуждались их раболепство перед иностранцами, всегдашняя готовность и даже стремление к ассимиляции, желание обучать своих детей как иностранцев, неспособность сохранить на чужбине национальную самобытность. Приводилась статистика 1860 года, согласно которой за границу выезжало около 275 000 русских (без малого четверть российских дворян), почти половина которых оставалась за границей длительное время.³ «Помещики и помещицы, до старости лет дожившие в своих деревнях на сытном хлебе, в барском неглиже, халатах, капотах и беличьих тулупах; потревоженные — как стая диких уток выстрелом охотничьего ружья — отменю крепостного права, поднялись стаей и опустились на Европу. Можно было думать, что вот они-то, по крайней мере, явят иностранцам что-нибудь свое, оригинальное — хотя бы и уродливое — ничуть не бывало! Они, действительно, очень оригинальны за границей, — но не самостоятельностью, а переизбытком душевного раболепства пред иностранцами вообще, пред французами в особенности»,⁴ — писал среди прочего И. С. Аксаков, скрывшийся за псевдонимом Касьянов.⁵

Перепечатке этой статьи в «Северной почте» было предпослано содержательное предисловие. Его анонимный автор конвертировал культурно-патриотический пафос Аксакова в сугубо экономические резоны: выражая общее согласие с публикацией «Дня», он переводил разговор в практическую плоскость, акцентируя не столько культурный и моральный, сколько финансовый ущерб, нанесенный Российской империи многочисленными туристами и эмигрантами: «Искренне желаем, чтобы разумный и патриотический голос русского путешественника достиг до слуха русских, поселившихся за границую; желаем, чтоб они поняли, что в настоящее именно время, когда преобразовывается весь гражданский строй нашего отечества, не за границею место нашим дворянам и помещикам; их место на родине, где они своею гражданскою деятельностью и своими капиталами должны содействовать русскому правительству к обновлению России».⁶ Этот сюжет ранее был нами подробно рассмотрен, и по ряду признаков (идеологических, стилистических, лексических и биографических) установлено, что предисловие написано главным редактором «Северной почты» Гончаровым.⁷

Интересно, что апрельская антиэмигрантская (ре)публикация «Северной почты» имела продолжение. В указателе содержания газеты за 1863 год предисловие помещено

² Формально длительно жившие за границей русские не были эмигрантами: «Дореволюционный русский закон не допускал свободного перехода русских подданных в иностранное подданство, он ограничивал пребывание русских подданных за границей сроком в пять лет, по истечении которых надо было просить губернатора, выдавшего паспорт, об отсрочке. Нарушение этих положений каралось, <...> виновный считался навеки изгнанным из страны, а имущество его переходило в опекуновское управление» (Там же. С. 5). См. также: Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 4. С. 86–114.

³ Статистика въезда и выезда российских подданных через границы империи публиковалась в статистических ежегодниках Министерства внутренних дел; см.: Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции... С. 6.

⁴ Северная почта. 1863. 6 апр. № 74. С. 294.

⁵ В газете «День» были опубликованы еще несколько писем из Парижа и Баден-Бадена; см.: Аксаков И. С. Письма в редакцию «Дня» // Аксаков И. С. Соч. СПб., 1891. Т. 2. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». С. 96–134.

⁶ Северная почта. 1863. 6 апр. № 74. С. 294.

⁷ Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина. Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской, А. С. Федотова. М., 2019. С. 63–70.

в раздел «Редакционные статьи» и под заголовком «О русских, пребывающих за границу, и отношении их к своей национальности» объединено с более поздней публикацией от 14 мая того же года. Указатель составлялся квалифицированным библиографом:⁸ как правило, материалы из разных номеров, сгруппированные под общим названием, принадлежали одному автору. Например, из дневника фактического создателя газеты министра внутренних дел П. А. Валуева мы узнаем, что в пяти номерах «Северной почты» им публиковался проект организации земских учреждений. Об этих статьях сообщается в дневниковой записи от 29 июня 1863 года: «В „Северной почте“ сегодня напечатана последняя из 5-ти статей, помещенных в ней по моему распоряжению и отчасти из-под моего пера, о земских учреждениях».⁹ Все эти пять статей, анонимно вышедшие в № 138, 140, 141, 142 и 143, объединены в указателе содержания за 1863 год под названием «О земских учреждениях».

Исходя из этого, логично предположить, что и вторая статья о заграничных русских тоже была написана Гончаровым: тематически и риторически она связана с текстом предисловия, в ней повторяются мотивы экономической целесообразности возвращения русских эмигрантов на родину, униженности их положения за границей, а также сопоставление русского и англичанина, в подробностях развернутое Гончаровым еще во «Фрегате „Паллада“».¹⁰ В тексте присутствуют лексические маркеры гончаровского идиостиля. Показательно выражение «архимедов рычаг». При кажущейся общепотребительности этого словосочетания (оно относится к общеизвестному физическому закону), данные различных литературных корпусов указывают на то, что в таком виде именно Гончаров употреблял это словосочетание наиболее часто.¹¹ Оно встречается во «Фрегате „Паллада“»: «Кажется, довольно одного прикосновения к этим глыбам, чтоб они полетели вниз, между тем здесь *архимедов рычаг* бессилен. Нужно по крайней мере землетрясение...»;¹² в «Обломове»: «...любовь, с силою *архимедова рычага*, движет миром...» (4, 448), в «Обрыве»: «О газетах потише — это *Архимедов рычаг*: они ворочают миром...» (7, 209); в «Заметках о личности Белинского»: «В руках противников Белинского упрек в неучености, как известно, был *Архимедов рычаг*, которыми они старались столкнуть его с места, но, конечно, безуспешно»;¹³ в «Литературном вечере»: «Газета — это не только живая хроника современной истории, но и *архимедов рычаг*,двигающий европейский мир политики, общественных вопросов...» (VII, 110); статье «Нарушение воли»: «Против гласности мудрено восставать, как против *Архимедова рычага*, по-своемудвигающего миром, но есть такие уголки в частной жизни, которых не должен касаться этот рычаг» (VIII, 121); а также в письмах: «Вопрос этот довольно важный: именно об образованности или необразованности, или, вернее, об учености и неучености Белинского.<...> У Вас это приводится, как простое свидетельство, в руках же противников его, как Вам известно, это был упрек,

⁸ Указатели содержания «Северной почты», скорее всего, были подготовлены Ю. М. Богушевичем, который к моменту его приглашения в газету Гончаровым уже имел немалый библиографический опыт. В частности, им был составлен: Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет: [В 5 вып.] / Изд. Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. СПб., 1858.

⁹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. 1861–1864. С. 233.

¹⁰ Отметим, что смысл двух этих сопоставлений различен. Вероятно, это указывает на эволюцию некоторых взглядов Гончарова к 1863 году.

¹¹ Любопытно, что другие авторы, упоминавшие об этом же открытии Архимеда, чаще говорили про «архимедову точку». См., например: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 10. С. 328; Т. 17. С. 82; Т. 19. С. 46, 195; Т. 29. С. 222; Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 424. Встречается также «эврика!» и «архимедов винт».

¹² Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / Текст подг. Т. И. Орнатская; ред. В. А. Туниманов. СПб., 1997. С. 208. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами. Курсив в цитатах здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, мой. — С. Г.

¹³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. С. 62. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

которым они, как *Архимедовым рычагом*, старались столкнуть его с места, и стараются даже до сих пор (недавно, кажется, Погодин)» (VIII, 462; из письма К. Д. Кавелину от 25 марта 1874 года). Всего в корпусе собраний сочинений (russian-literature.org) в текстах Гончарова словосочетание «архимедов рычаг» употреблено семь раз.

Кроме перечисленных текстов, в этом же корпусе словосочетание «архимедов рычаг» появляется один раз в романе «Рудин» (1856) И. С. Тургенева: «А Рудин заговорил о самолюбии, и очень дельно заговорил. Он доказывал, что человек без самолюбия ничтожен, что самолюбие — архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть, но что в то же время тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конем, кто свою личность приносит в жертву общему благу...».¹⁴ Заметим в скобках, что тургеневский герой пересказывает мысль Печорина из «Героя нашего времени» («О самолюбии! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар»¹⁵). В Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) регистрируется меньше вхождений у Гончарова (три), у других авторов до конца XIX века словосочетание встречается в единичных случаях. Употребление словосочетания Тургеневым в тексте 1856 года гипотетически может объясняться довольно интенсивным общением писателей в период после возвращения Гончарова из морского похода, а также известным интересом Тургенева к творчеству Гончарова. Статья Н. В. Шелгунова, в которой также зафиксировано интересующее нас словосочетание, — это рецензия на роман Гончарова «Обрыв». «Архимедов рычаг» у Шелгунова — скрытая цитата, свидетельствующая, вероятно, о том, что Шелгунов воспринял это выражение как специфически «гончаровское».

Несколько меняет картину «Google Books»; согласно этому корпусу, словосочетание отмечается и у других авторов, но случаи эти неизменно единичны. Тем не менее, как кажется, это не опровергает предположения, что выражение «архимедов рычаг» является характерной приметой гончаровского идиостиля.

В тексте есть и другие лексические маркеры, которые могут указывать на авторство Гончарова: например, «эластичные понятия» (ср.: «А нас за стол садилось в этой каюте одиннадцать человек, да в другой, офицерской, шестеро. Не одни вещи эластичны!» («Фрегат „Паллада“»; 2, 629); «Как жизнь-то эластична! — задумчиво произнес Райский» («Обрыв»; 7, 228)); «вещественные и невещественные блага» (ср. знаменитое: «вещественные знаки... невещественных отношений...») («Обыкновенная история»; 1, 213)). Ироническое обыгрывание в статье словосочетания «неусыпные труды» («Не скажем ни слова о больших (не включая в это число «расстроивших здоровье *неусыпными трудами*» на службе и в клубах), которых, может быть, не одна тысяча выедет каждый год за границу...») использовалось Гончаровым как ранее, в тексте «Фрегата...» («Сколько трудов, терпения, внимания — на таких пространствах, куда никто почти не ездит, где никто почти не живет! Если б видели наши столичные чиновные львы, как здешние служащие (и сам генерал-губернатор) скачут по этим пространствам, они бы покраснели за свой так называемые *неусыпные труды*...»; 2, 660; курсив автора. — С. Г.), так и позже, в «Обрыве», причем во втором случае конструкция практически идентична употребленной в анонимной статье («Повыситься из статских в действительные статские, а под конец, за долговременную и полезную службу и „*неусыпные труды*“, как по службе, так и в картах, — в тайные советники и бросить якорь в порте, в какой-нибудь нетленной комиссии или в комитете, с сохранением окладов....»; 7, 8).

Основным препятствием для атрибуции текста Гончарову выглядит заголовок «Письмо в редакцию...», а также подпись: инициалы И. П., которые довольно трудно интерпретировать как инициалы Гончарова. Однако хорошо известно, что практика мнимых писем к издателю / в редакцию журнала или газеты существовала издавна. В качестве примера можно привести пушкинское «Письмо к издателю», опубликованное в «Современнике» (1836. Кн. 3) и подписанное инициалами «А. Б.». Как отмечают

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5. Повести и рассказы 1853–1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855–1859. С. 227.

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 4 т. М.; Л., 1962. Т. 4. Проза. Письма. С. 376.

комментаторы этого текста, «маскировка выступления Пушкина против помещенной в его же издании статьи Гоголя „О движении журнальной литературы“ обусловлена была неудобством открыто полемизировать редактору „Современника“ с одним из ближайших его сотрудников, нежеланием обнаружить отсутствие единства мнений в новом журнале по основным вопросам литературной политики. Эта же маскировка позволяла Пушкину в нескольких строках делового примечания к якобы чужой статье подчеркнуть свою солидарность с нею и попутно отмежеваться от выступления Гоголя, которое ошибочно понято было многими читателями как программа „Современника“». ¹⁶

Мотивы Гончарова могли быть в чем-то схожи. Первая публикация на тему «русские за границей» была перепечаткой из газеты «День», позиция которой по актуальной повестке не совпадала с позицией правительства. Это обстоятельство отчасти нивелировалось предисловием Гончарова. Вторая публикация на эту тему также поддерживала идеи, изначально высказанные лагерем славянофилов. Возможно, поэтому редакции «Северной почты» было удобнее представить публикацию как письмо читателя. Понятно, что, имитируя письмо в редакцию, Гончаров не стал бы подписываться собственным именем или хотя бы инициалами.

В пользу того, что «Письмо в редакцию „Северной почты“» было имитацией, свидетельствует и следующее обстоятельство. 20 июня 1863 года в московской газете «Наше время», которая была официозом МВД и с 1862 года получала дотации от министра Валуева, ¹⁷ было опубликовано письмо «К редактору газеты», в котором буквально повторялись и развивались высказанные в «Письме в редакцию...» идеи. ¹⁸ Предположение, что два разных читателя московской и петербургской газет синхронно написали довольно пространные и в нескольких пунктах сходные по содержанию письма в редакции, выглядит маловероятным. Более правдоподобно, что оба этих «письма» были подготовлены по инициативе Министерства внутренних дел и лично Валуева. Тем более что статьями в «Северной почте» и «Нашем времени» далеко не исчерпываются публичные события весны–лета 1863 года, прагматической задачей которых было возвращение задержавшихся в Париже русских дворян на родину.

К числу этих событий относилось постановление дворянского собрания города Самары, о котором говорилось в номере «Северной почты» от 26 апреля 1863 года. «Сообщаем с особенным удовольствием, — писала газета, — следующее известие, полученное сегодня по телеграфу из Самары <...> Вчера сделано дворянским депутатским собранием, вследствие заявления приехавших для составления всеподданнейшего письма дворян, постановление о вызове в Россию проживающих за границу самарских дворян. Постановление это будет напечатано в газетах и представлено г. министру иностранных дел для предъявления находящимся за границу самарским дворянам чрез наши посольства и дипломатических агентов». ¹⁹

Постановление было опубликовано в «Северной почте» 7 мая. В нем отмечалось, что «хотя собрание предводителей и депутатов дворянства не имеет по закону никакой власти ограничивать в чем-либо предоставленную каждому личную свободу», тем не менее оно выражает «общественный голос самарского дворянского сословия». «Выслушав этот голос, — говорилось далее, — пусть каждый из пребывающих за границей решит по совести, может ли он в настоящую пору, когда земля русская нуждается в соединении всех своих нравственных и вещественных сил, оставаться долее вне пределов отечества, не навлекая на себя укора в равнодушии к земскому делу». ²⁰

¹⁶ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. Критика и публицистика. С. 503 (прим. Ю. Г. Оксмана); см. также: Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. I–IV. Приложение к факсимильному изданию / Вступ. статья М. И. Гиллельсона; комм. и именной указ. М. И. Гиллельсона, В. А. Мильчиной; указ. литературы Т. И. Краснобродько. М., 1987. С. 9–11.

¹⁷ См.: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959. С. 402–403.

¹⁸ См.: Наше время. Газета политическая и литературная. 1863. 20 июня. № 119. С. 471–472.

¹⁹ Северная почта. 1863. 26 апр. № 90. С. 359. Курсив автора. — С. Г.

²⁰ Там же. 7 мая. № 99. С. 2.

Самарский документ перепечатывали и активно обсуждали и в других изданиях как сторонники, так и противники этой общественной инициативы. Газета «День» сопроводила текст постановления таким комментарием: «Это не требование, а *приглашение*, которым самый обидчивый из дворян оскорбиться не может. Мы убеждены, что это приглашение будет встречено общим сочувствием...».²¹ Автор статьи в газете «Современная летопись», напротив, увидел в постановлении самарских дворян желание ограничить свободу передвижения: «Неужели не найдется из живущих в России семидесяти миллионов жителей, за исключением 250 000 отсутствующих путешественников, достаточно людей, могущих заняться службой земству, и неужели нужно вызывать для этого из-за границы людей неспособных или занятых другим делом, к которому они имеют более призвания...».²²

«Современной летописи» отвечал известный публицист, философ, государственный деятель Ю. Ф. Самарин, который в течение последних двух лет принимал участие, в качестве члена от правительства, в самарском Губернском по крестьянским делам присутствии. В его ответе говорилось, что дворяне-землевладельцы, «сословие по преимуществу подготовленное к общественной деятельности», уделяют ей слишком мало времени, не заглядывают в свои имения, в то время как «дело земское вообще и в настоящую минуту в особенности нуждается в людях».²³

В майском выпуске журнала «Современник» значительная часть хроники «Наша общественная жизнь» была посвящена «русским гулящим людям за границей».²⁴

Обсуждение уехавших стало горячей темой московских и петербургских периодических изданий. Эхо этой публичной дискуссии звучало и в более поздних литературных текстах, например в романах «Игрок» Ф. М. Достоевского и «Дым» И. С. Тургенева.

Не вызывает сомнений патриотический пафос кампании, начатой газетой «День», и то, что ее причиной были польские события и ухудшение отношений с европейскими странами. Однако антиэмигрантская кампания «Северной почты», хотя и началась с перепечатки пафосной славянофильской патриотической статьи, очевидно, преследовала иные цели. На них недвусмысленно указывал Гончаров еще в предисловии к статье Аксакова, когда отмечал, «что в настоящее именно время, *когда преобразовывается весь гражданский строй нашего отечества*, не за границей место нашим дворянам и помещикам; их место на родине». Еще более прозрачен намек самарских дворян, упрекавших отсутствующих в России дворян «*в равнодушии к земскому делу*». Говорилось об этом и в статьях С. Пенского (в «Современном обозрении») и Ю. Самарина.

В 1863 году комиссия при Министерстве внутренних дел под руководством Валуева завершала длительную (начатую еще в 1859 году Н. А. Милютиным) работу над проектом земской реформы.²⁵ В июне 1863 года ее основные положения были выработаны и изложены Валуевым в упомянутом выше цикле статей «О земских учреждениях» в «Северной почте». Несмотря на всесловный характер планировавшихся преобразований, важнейшая роль в их реализации предназначалась дворянству.

Однако если примерно четверть российских дворян (от 250 до 270 тысяч) в начале 1860-х годов постоянно или длительно проживала за границей, то земская реформа должна была столкнуться с неминуемыми трудностями. Критически сокращалась ее социальная и финансовая база. Некому было руководить органами местного самоуправления, а деньги на земские повинности непатриотично спускались в парижских

²¹ День. 1863. № 19. С. 6. Курсив автора. — С. Г.

²² Пенский С. Полезно ли было бы для России, если бы русские, проживающие за границей, возвратились в свое отечество // Современная летопись. 1863. № 22. С. 8.

²³ Самарин Ю. Ф. Два слова в ответ на статью «Современной летописи»... // День. 1863. № 31. С. 6.

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. Наша общественная жизнь. 1863–1864. Статьи. 1863. Журнальная полемика. 1864. С. 99–111.

²⁵ Гармиза В. В. Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866) // Исторический архив. 1958. № 1. С. 138–153; см. также: Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 148–176.

ресторанах и магазинах. Для успешного проведения преобразований, над планом которых так долго работал Валуев, необходимо было возвращение уехавших.

Вероятно, именно эту цель преследовал главный редактор газеты «Северная почта», когда перепечатывал статью Аксакова из газеты «День» с собственным предисловием. Аналогичной была и прагматика другой статьи, названной «Письмом в редакцию...», которая также, вероятно, принадлежала Гончарову. Общественная кампания, начатая обращением самарского дворянства и продолженная публикациями в московских и петербургских газетах, как и кампания всеподданнейших адресов,²⁶ если не была инициирована Валуевым, то, по крайней мере, стимулировалась им с целью «информационной поддержки» земской реформы.

Таким образом, мы имеем некоторые основания утверждать, что публикуемый ниже текст написан Гончаровым или, во всяком случае, при его значительном участии. Не менее важно и другое: даже если бы Гончаров не писал этого текста, он в качестве главного редактора санкционировал его публикацию, понимал подоплеку и, как минимум, знал, зачем организована газетная кампания по возвращению уехавших русских дворян. Из этого следует, что Гончаров во время службы в правительственной газете принимал непосредственное участие в подготовке и осуществлении земской реформы. То же самое можно сказать и о подготовке реформы Государственного совета, которую министр внутренних дел направлял инспирированной им кампанией всеподданнейших адресов. Поэтому неоднократно высказанное Гончаровым сочувственное отношение к реформам 1860-х годов²⁷ предстает несколько в ином свете. Писатель был не пассивным свидетелем, но осведомленным и деятельным участником этих преобразований.

Вновь выявленные факты о деятельности Гончарова на посту главного редактора «Северной почты» опровергают сложившееся в науке представление о пустоте и бессодержательности этого периода жизни писателя. Однако общие для всей биографии Гончарова тенденции они скорее подтверждают. На всем протяжении служебной карьеры автор «Обломова» был активным участником важных государственных проектов: это касается и его пребывания в департаменте внешней торговли, и морской экспедиции в Японию, и, разумеется, цензорства. Должность редактора правительственной газеты не была исключением из этого ряда.

Конечно, для Гончарова-путешественника, участвовавшего в морском походе в Японию и в 1850–1860-х годах регулярно посещавшего европейские курорты, отрицательное мнение о поездках за границу, высказанное во вновь выявленных статьях «Северной почты», может показаться неорганичным. Ведь еще в «Обломове» (1859) желанная, хотя так и не состоявшаяся поездка героя за границу воспринимается как важный этап «пробуждения» к настоящей жизни. Но любопытно, что уже в «Обрыве» (1869) персонажи Гончарова, за редким исключением, относятся к путешествиям за границу без всякого энтузиазма. Например, Татьяна Марковна Бережкова осуждает Райского, когда тот сообщает, что собирается «за границу пожить» и для этого заложить или продать имение (7, 169), не соглашается бабушка отпустить за границу и Марфиньку с Викентьевым, опасаясь, что они наглядятся там «всякого нового распутства» (7, 489), и сама Марфинька считает, что за границей она «бы умерла с тоски» (7, 251), Аянов равнодушно наблюдал, как «отплывали за границу битком набитые пароходы» (7, 7). Райский же, хотя и отправился к концу романа за границу, но там, как пишет Гончаров, он «не изменял своей семье, своей группе, не встал в чужую почву, все чувствовал себя гостем и пришельцем <...> Часто в часы досуга от работ и отрезвления от новых и сильных впечатлений раздражительных красот юга — его тянуло назад, домой. Ему хотелось бы набраться этой вечной красоты природы и искусства,

²⁶ См. об этом: Гуськов С. Н. И. А. Гончаров, П. А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 72–80.

²⁷ См., например: «...реформы не возбуждают, а успокаивают умы: реформы, крестьянская, судебная, отмена телесного наказания и ряд других улучшений и преобразований — все это предупреждает потребности общества и народа, составляет славу великого Государа и приобретает Ему обожание подданных — вот одно господствующее возбужденное настроение в России!» (10, 116).

пропитаться насквозь духом окаменелых преданий и унести все с собой туда, в свою Малиновку...» (7, 772). И только комический персонаж романа, никчемный Николай Васильевич Пахотин, мечтает «поехать за границу, то есть в Париж, уже не с оружием в руках, а с золотом, и там пожить, как живали в старину» (7, 16). Стоит отметить, что и сам писатель именно в 1863 году за границу не поехал, хотя и раньше, и позже путешествовал регулярно. В письме Кирмаловым от 15 мая он объяснял свое решение тем, «что на границе беспокойно, а за границею к русским неласковы». «Я даже и министр сказал, — добавлял Гончаров, — что я едва ли поеду за границу, а скорее на Волгу, в ответ на что его превосход<ительство> одобрительно кашлянул».²⁸

Ниже приводится текст «Письма в редакцию „Северной почты“» по публикации в газете (Северная почта. 1863. 14 мая. № 104). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; опечатки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо в редакцию «Северной почты»

По всем почти газетам, между прочим и в «Сев<ерной> почте», и в «Нашем времени», пробежал слух о патриотическом движении московских дам — отказаться от произведений английской и французской фабрикации. Мысль эта, не представляющаяся с первого взгляда важною, может, однако же, при настойчивом и дружном приведении ее в исполнение, нанести чувствительный удар Лиону, Монпелье, Седану, Манчестеру, Лидсу и другим важным фабричным пунктам Франции и Англии, особенно при нынешнем хлопчатобумажном кризисе. Торговые дела тесно связаны с политическими, и затруднения в первых не могут не отразиться и на последних, а поставить в затруднение или толкнуть в яму тех, кто роет ее нам самим, приятно и полезно.

Торговля для Англии — архимедов рычаг, которым она старается двигать целым миром, торговля одна из первых сил и для Франции.

Дамы поняли это, и одна из них, княгиня В. Вадбольская, в письме к редактору газеты «Наше время» (№ 85), выражая живейшее сочувствие патриотическому движению московских дам, энергически порицает наше стародавнее пристрастие к французам, теперь осмеянное и уничиженное ими самими, «нашу охоту бесцельно странствовать по чужим краям», и надеется, что нынешний прием русских за границею отобьет желание ездить туда. «Пора, — пишет княгиня, — пора нам взяться за ум и не жертвовать достоинством нашим в пользу исконных врагов. В самом деле, не жалость ли, например, что в июле месяце прошлого года в одном Париже проживало более 9000 семейств. Если положить круглым числом, что каждое семейство проживало в месяц по 1000 франков, или 300 рублей, что весьма умеренно, то составит в один месяц огромная сумма в 2 700 000 русских серебряных рублей. Сколько добра можно бы сделать на эти деньги в России! Иностранцы, приезжающие к нам, приезжают за тем, чтоб нажиться; мы, напротив, едем в чужие края, чтоб оставить там и деньги наши, и часто доброе имя».

Все это как нельзя более справедливо, и не согласиться с тем могут разве только те, кому очень хочется ехать за границу, несмотря ни на что.

Не следовало бы ездить нам толпами, не потому только, что от этого страдают экономические интересы государства и что мы возим огромный оброк «исконным врагам». Вражда дело случайное: сегодня враги, завтра друзья, особенно французы, — трудно сказать, что они: более ли исконные друзья или исконные враги. Прежде всего не следовало бы платить такого громадного оброка кому бы то ни было, как мы это делаем, платить непроизводительно, не получая ничего взамен. И кроме этого, есть другие нравственные жертвы, которые мы приносим, не краснея, за удовольствие поскитаться летом по чужим местам и людям: жертвы самолюбия, благородной гордости,

²⁸ РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 6.

потери сознания собственного достоинства. Не жертва ли терпеть то обидное снисхождение, с которым и в мирное время встречают наших путешественников за границей, тот покровительственный тон, небрежность, с которой на нас смотрят там?

Две только нации, русские и англичане, толпами посещают Европу. Сами французы странствуют или у себя, или по ближайшим к Франции местам; вообще они путешествовать не охотники. Немцы еще менее: те от тесноты и бедности или совсем выселяются из Германии, или ездят по торговым и другим необходимым делам. «Любопытный» путешественник немец — редкость. Прочие нации, по малочисленности и незначительности, незаметны в толпе туристов. Большинство везде русские и англичане, на них и обращено всеобщее внимание в Европе. Но какая разница в положении англичанина и русского как путешественника!

Англичанин везде как у себя дома: он ни на минуту не теряет права на всеобщее уважение; куда бы он ни явился, он смотрит на все гордо, с сознанием своих прав: он знает, что он представитель громадных нравственных сил и материальных средств. Если ездит он в гости, то и гости толпой ездят к нему; если он удивляется чему-нибудь за границей, и ему в свою очередь есть чем удивить гостей у себя. Он, путешествуя, поклоняется чужой науке, чужой торговле, чужим учреждениям, зная, что в то же время тысячи поклоняются в его отечестве и науке, и учреждениям, и торговле, и богатству, развитым, усовершенствованным на образец миру. Все у него есть: он всесветный негоциант, турист, богач, писатель: пенаты его — гении родной земли, наделившие мир вещественными и невещественными благами. Англичанин не смутится ни перед какой знаменитостью, ни перед какой суммой человеческого творчества, силы и богатства. От этого он смело заимствует, приобретает, сыплет деньги, потому что все это возвращается к нему домой сторицею.

Русский путешественник в другом положении: он является как человек, которому оказали великую честь, позвавши в гости, и который, имея хоть каплю гордости, должен чувствовать себя в неловком положении. Ему некуда позвать гостей и нечем угостить. Везде, где гордо выступает интеллектуальная, коммерческая, промышленная сила, русский должен уступать место другим, сознаваться, что ему еще нечем гордиться, что надо смиренно выдерживать торжествующий и покровительственный взгляд иностранца. Наука его молода и бледнеет перед авторитетами Европы; языка и литературы его никто не знает, и даже сомневаются, есть ли последняя, тем более что русский с наслаждением говорит на чужом языке; торговля его медленно развивается и недалеко уходит от старых цифр; он выписывает все чужое, начиная от кружев, шелка, хлопчатой бумаги, которых у него нет, до железных, кожаных, пеньковых и других произведений, сделанных чужими руками из его материалов, и выписанных изделий он не покрывает и третьей части своим хлебом, салом, льном и кожами.

Конечно, иностранцы знают, сколько дала и дает Россия задатков великой будущности; но это еще все впереди, все пока задатки, все будущность, а между тем на русского туриста, чуть ли не с путешествия Карамзина, все еще продолжают смотреть «как на подающего надежду». Пора бы переменить эту роль, или, если еще не настала пора, то хоть бы не подвергаться добровольно тем снисходительным взглядам, какие взрослые кидают на незрелых.

От всего этого русский является за границу в большей части случаев как младший к старшему, а не как равный к равному, с неотвязною мыслию о чужом превосходстве и о своей «неудовлетворительности». Вот то мучительное чувство, которое, кажется, должно бы между прочим удерживать от бесцельных прогулок и проживаний русских в Европе, не говоря уже о неуместности этих «прогулок» в настоящую пору.

Скажут, что у нас денег много, что мы сыпем ими и этим покупаем и уважение, и поклоны иностранцев.

Первое неправда: денег у нас немного, это не тайна ни для кого, следовательно мы, сыпля деньгами, остаемся верны старым нашим барским нравам, от которых пора отречься: наряжаться в бархат и перья, блеснуть модной (часто взятой в долг) каретой на гулянье, а дома, за кулисами, кормить скверно людей, не платить мяснику, портному и т. д.

И какие мы деньги везем или возили за границу? Двух-трехгодовой сбор с родных полей, чтобы потом жить в долг, который Бог знает когда и как заплатится?

Что касается до поклонов и уважения, покупаемого на наличные деньги... в отелях, то это совершенно справедливо: это, хотя и единственная, но зато вполне заслуженная дань удивления и восторга, платимая нам иностранцами. И не одни трактирщицы платят ее: модистки, портные, ювелиры, отчасти и доктора.

Конечно, много горькой иронии подбавляют не заинтересованные в деле лица, не трактирщицы, в отзывы о «русских путешественниках», «щедрых, великодушных, великодушных хер-баронах, и графах, и княгинях, и простых фонах», но ведь не в глаза же они смеются над нами, и если и дойдет до нас такой отзыв, то через третьи руки, следовательно без французского жала и без немецкой грубости.

А поклоны — все-таки приятно получать: примеры этому можно видеть и дома. Посмотрите на лихого купеческого сынка, когда он с компанией является в трактир бить зеркала, когда стон и пыль поднимет широкая разгулявшаяся натура — трактирщицы кланяются и только «смеются»!

Не скажем ни слова о больных (не включая в это число «расстроивших здоровье неусыпными трудами» на службе и в клубах), которых, может быть, не одна тысяча выедет каждый год за границу, — истинных больных: это не туристы, они заметны с первого взгляда. Половину лета они томятся на водах, а другую укрепляют ослабленные силы морскими ваннами или сывороткой: те слишком заметны, и если возбуждают сострадание, то сострадание должное и законное.

Мы бы прошли молчанием и о тех небогатых семействах, которые поселяются где-нибудь в тиши Саксонии или Швейцарии, во-первых, по ограниченности средств и по трудности содержать себя дома, а во-вторых, для воспитания детей... Но относительно этих двух категорий является следующее размышление: образ жизни и дороговизна — понятия относительные и до значительной степени эластичные. Одно семейство скажет, что с десятью тысячами дохода оно в России жить «прилично своему званию не может», т. е. ни принимать с достоинством у себя, ни выезжать, ни иметь «приличной» дачи и т. п. Другое говорит, что у него, по нынешним обстоятельствам, только три, четыре тысячи дохода, что с этими деньгами ни в Москве, ни в Петербурге прожить нельзя, что их станет только на необходимое, а о театре, о концерте, о прочих удовольствиях подумать нельзя, тогда как за границей все это доступно и с этими деньгами.

Вот что они скажут; но и это не совсем так. И за границей теперь все дороже; притом с иностранца, особенно с русского, за все требуют вдвое. Следовательно, эти семейства живут, в сущности, тесно, дурно и за границей, помещаются в двух, трех маленьких комнатах, экипажа не держат, стол берут из трактира, в театры и концерты ходят в дешевые места, но там некого им стыдиться, не с кем соперничать. Следовательно, они приносят жертву только ложному стыду, ибо театр, разные увеселения, наряды — не стоят на главном плане.

Можно, наконец, возразить и то, что есть же эпохи в жизни частной, когда человек отказывается от стремления к наслаждениям, когда самая способность наслаждаться замолкает: есть такие эпохи и в жизни общественной. Не может быть ни одного русского в настоящую минуту, на какой бы ступени общественной жизни он ни стоял, кто бы мог теперь отдаваться с беззаботной праздностью своим частным увлечениям, не сознавая, что и на него падает часть серьезного долга, что он, силою обстоятельств, замешан в каком-то широком, всеохватывающем деле, что в воздухе, во всей русской натуре разливается эпидемия патриотического настроения, что все около него иначе смотрит, ходит и говорит, и что вдруг и у него, у мелкого, праздного члена общества, является строгая мысль и дело. Если он трезво оглянется вокруг, он сознает, что он единица великого народа и что этот народ в настоящий момент судьба зовет на новый, роковой шаг к подвигу и жертвам.

В какой мелкий и низкий эгоизм надо уйти от этого торжественного голоса, какой порчей надо быть съедену до костей, чтоб думать только о своих собственных мелких заботах, да еще о театрах, об увеселениях!

О второй категории, т. е. о русских, воспитывающих за границей детей, — можно сказать только, что они «или не ведают, что творят», или очень равнодушны к имени русского.

Выражение «отчуждать от России детей» — не пустая фраза, не общее место: оно исполнено глубокого смысла. Удаление надолго от родного языка, от родных преданий, нравов — все это, без сомнения, стирает с юности самобытную национальную печать. Если взрослый, пробывши долго вдали от отечества, теряет гибкость и утонченность речи и, воротясь, смотрит чужими глазами на родные места и обычаи, что должно сделаться с ребенком? Скажут, что речь русскую он слышит в семье родных: да это капля; человек с детства должен купаться, как в океане, в родном языке. С ним, с языком, ребенок невидимо и неслышимо впитывает в себя тысячи тысяч тонких, дробных понятий, оттенков, мимолетных молний и искр — не одной речи, но всего того, чего никакой учитель передать не может, всего склада своеобразной, коренной жизни, которая и есть драгоценный ковчег, хранящий веру, честь, традиции, славу и силу народа. Это он, могучий наставник и воспитатель — родной язык: он прежде и больше всего воспитывает человека; мать, отец, учителя — только его помощники. Преподавание наук, даже какой-нибудь географии, всеобщей (не говоря уже о своей) истории на иностранном языке, нерусское название лиц и вещей образует и другой, чуждый взгляд на самую науку, дает иной образ и склад представлению предмета в уме, сообщает другие, нерусские приемы мышления и т. д. Ужели могут быть люди, которым это все равно? Ужели для нас даром прошли примеры тех детей, воспитание которых, даже здесь, было вверяемо исключительно иностранцам? Многие ли из них пригодились для России? Но для кого и для чего же тогда готовить таких детей? Незнание ни хорошего, ни дурного у себя склонит ли потом русского по имени и чужого по воспитанию думать и чувствовать заодно с соотечественниками, будет ли и может ли он, при всем желании, стремиться к искоренению дурного, к усовершенствованию хорошего родного, когда его первые, лучшие впечатления, первая, нежная мысль, первое чувство прозябали и расцветали на чужой почве и одевались в чужой язык?

Не говорите, что вы пробудете с детьми только несколько лет в чужой земле, потом воротитесь: то, что родилось в душе на чужбине, в нежную пору, не изгладится, и что утрачено своего — не воротится.

Вы или ошибаетесь, не верите в силу отечественного воспитания, или, повторим, равнодушны к национальности ваших детей. Последнему мы не хотим верить и скорее допускаем первое.

Поэтому не должно ездить за границу? — спросят недовольные этим размышлением о наших набегах на чужие земли, — стало быть поездки эти вредны? Мы не боимся впасть в противоречие самим себе, когда скажем, что и набеги наших туристов на Европу, как всякое почти явление в жизни, имело свою хорошую сторону, даже не боимся указать ее, так мы уверены, что вредная сторона, особенно в настоящее время, перевешивает полезную, следовательно, в этой параллели все-таки должно восторжествовать доказываемое нами положение, т. е. что прогулки наши, а еще более постоянное проживание за границей, в настоящее время в особенности, наносят огромный вред России как в экономическом, так и в нравственном отношении.

Нет сомнения, что вместе с дурным, или если не с положительно дурным, то ненужным, мы вывезли немало и хорошего из наших поездок в чужие края. Земледелец, фабрикант, ремесленник, ученый, художник, всякий, может быть, вынес — один капитальное знание, поучительный пример, лучший образ и способ труда, лучшее применение идеи к делу, другой практический урок, наглядность каких-нибудь приемов, третий во взгляде на чужой быт, на развитие промысла, благосостояния, хозяйственного устройства и проч. и проч. уловил тысячу полезных подробностей, даже праздный наблюдатель, бессознательно может быть, вынес каплю меда из человеческого улья, и все это собранное богатство, конечно, составит вклад в нашу русскую жизнь, даст ей новые, недостающие элементы, прибавит содержания и силы к дальнейшему развитию народа. Все это так, но не пора ли приступить к самостоятельной разработке своего и чужого материала и начать дело созидания? Дело нас зовет, работа закипает,

руки и деньги нужны здесь, на месте. Настала пора сознать это, особенно теперь, когда пребывание за границей отравлено диким и слепым предубеждением против русских, когда их встречают уже не снисходительным вниманием, а косыми взглядами, насмешливыми улыбками и другими, более или менее неприличными выходками.

Это утешительное сознание в необходимости поддержать свое достоинство перед Европой уже пробудилось и высказывается в нашем обществе тем или другим способом: по газетам видно много возвращающихся в Россию семейств; из Петербурга в мае месяце тянулись в прошлые года огромные поезда за границу: теперь, как слышно, отправляются четыре, пять вагонов, и те неполные.

Самарское дворянство, в собрании своем, сделало официальное воззвание к путешественникам с просьбой воротиться послужить родине.

Наконец, в патриотическом движении московских дам проявилось желание прервать сношение с иностранцами, заплатившими за нашу слепую щедрость слепой клеветой, за долговременное пристрастие внезапной враждой. Все это первоначальные, утешительные симптомы отрезвления от ребяческого пристрастия к авторитету иностранцев, первые сознательные шаги созревшего для самобытной деятельности общества.

Еще бы несколько лет терпения, горячего сознательного труда, каким стремятся к великим целям, еще несколько шагов по пути развития промышленности, земледелия, просвещения, дорог: сложимся окончательно, окрепнем в мыслях, в намерениях, силах, и тогда смело пойдем меняться визитами с иностранцами и приобретать уважение и поклоны — не одних трактирщиков.

И. П.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-191-207

© О. В. Макаревич

ОБ УМЕНИИ ПЛЕСТИ ЛАПТИ, ЛИТЕРАТУРНЫХ ЮЗНИКАХ И СЕКРЕТНОЙ ПЕЧАТИ (РЕЦЕНЗИИ Н. С. ЛЕСКОВА В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» КОНЦА 1870-х ГОДОВ)*

Актуальной проблемой современной лесковианы остается отсутствие полного корпуса текстов писателя, а важной задачей — «собрание и публикация не опубликованных ранее произведений (как правило, неоконченных) и атрибутированных вновь найденных в периодике статей Лескова». ¹ Уже вышедшие в свет тома Полного собрания сочинений писателя, куда включены сотни текстов, принадлежность которых Н. С. Лескову установлена впервые, наглядно показывают, насколько значительный объем произведений, посвященных весьма широкому кругу проблем и относящихся к самым разным жанрам, находится за рамками исследовательского внимания. Они имеют не только фактологическую ценность, но и позволяют глубже осмыслить как творческую биографию самого Лескова, так и особенности развития литературы XIX столетия. Трудности, препятствующие атрибуции лесковских текстов, уже неоднократно были озвучены: корреспонденция сохранилась лишь частично, и даже отложившиеся в архивах письма изданы далеко не полностью, нет обстоятельной библиографии² и летописи жизни и творчества и т. п.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ *Видуэцкая И. П.* Между двумя юбилеями (итоги изучения творчества Н. С. Лескова за последние 25 лет и задачи, стоящие перед исследователями его творчества в настоящее время) // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). М., 2010. С. 7.

² Первый указатель был составлен еще при жизни писателя в связи с подготовкой его Собрания сочинений: Библиография сочинений Николая Семеновича Лескова с начала его литературной